

А.Н. ОСТРОВСКИЙ

A decorative horizontal flourish with symmetrical, flowing lines and a central circular motif, positioned below the author's name.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950**

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ II

П Ь Е С Ы

1856 — 1861

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950**

Составитель тома А. И. Ревякин.
Подготовка текста пьес и комментарии
к ним: Н. С. Гродской («Праздничный
сон—до обеда», «Свои собаки грызутся,
чужая не приставай!», «За чем пойдешь,
то и найдешь»), Р. П. Моториной
(«Гроза»), И. Р. Эйгеса («В чужом пиру
похмелье», «Доходное место», «Не со-
шлись характерами!»), И. Г. Ямполь-
ского («Воспитанница», «Старый друг
лучше новых двух»).

ПЬЕСЫ

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Комедия в двух действиях

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Л И Ц А:

Иван Ксенофонтыч Иванов, отставной учитель, 60 лет.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лет.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым.

Тит Титыч Брусков, богатый купец.

Андрей Титыч, его сын.

Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество! И слышать не хочу невежества! (Садится за стол и раскрывает книгу.)

Аграфена Платоновна. У вас все невежество. А сами-то что? Только слава, что ученый человек! А что в нем проку, в ученье-то в вашем? Только одно мнение,

что я ученый человек, а хуже нас, неученых. Живете, как бобыль — ни кола, ни двора.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество!

Аграфена Платоновна. Наладил одно! Невежество да невежество! Я к вашей пользе говорю. Мне что! Я женщина посторонняя.

Иван Ксенофонтыч. А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, так и не мешайтесь в чужие дела. Оставьте меня; видите, я делом занимаюсь.

Аграфена Платоновна (помолчав). Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмет; а у вас ни кругом, ни около — все нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани бог, помрете: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдет? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житье, — по чужим людям шлаться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; благо, здесь сторона купеческая.

Иван Ксенофонтыч. Какое же это благо? В чем тут благо? Кроме невежества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна. А я вижу. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

Иван Ксенофонтыч. И дурак набитый, читать по-русски не умеет. Это ваш жених, а не Лизин. Вас будет пара.

Аграфена Платоновна. Уж какой он мне жених! Очень нужно ему старуху-то брать! Он с своими деньгами-то получше вашей Лизы найдет. Ему уж давно от невест проходу нет, от богатых; да не хочет, потому

влюблен до чрезвычайности в Лизавету Ивановну. Вот что!

Иван Ксенофонтыч (вскочив). Что? Да как же он смел, скажите вы мне? Кто ему позволил? Это житья нет! Лиза моя... ведь это сокровище, это совершенство! А он, безграмотный, смел влюбиться! Мужик! Невежа!

Аграфена Платоновна. Ах, батюшка, да разве кому закажешь! Ведь она не королева какая! А почему знать, дело женское мудреное, может, она и сама его любит. Чужая душа-то темна. Девушки об этом не рассказывают.

Иван Ксенофонтыч. Вздор, вздор! Этого быть не может. Я и слушать не хочу. (Переходит к другому столу.) Не мешайте мне заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дело есть.

Аграфена Платоновна (переходит за ним). А может, и вздор; я так говорю, по своему понятию. А жаль малого-то, уж очень сокрушается. Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем.

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это чорт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

Иван Ксенофонтыч. О tempora, о mores! ¹

Аграфена Платоновна. Так вот Андрюша-то и боится, что отец ему жениться не позволит... Ну, да это ничего, я баба огневая, я обломаю дело; только было бы ваше согласие. Я за двумя мужьями была, Иван Ксенофонтыч, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде, какое хочешь, дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем

¹ О времена, о нравы!

кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала хожу...

Иван Ксенофонтыч. Об чем вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна. Все об том же об Брускове, об купце.

Иван Ксенофонтыч. Послушайте: Плутарх в одной книге...

Аграфена Платоновна. А насчет плутовства — это точно, он старик хитрый.

Иван Ксенофонтыч (обращая глаза к потолку). О, невежество!

Аграфена Платоновна. И это есть. Хоть он и плутоват, а человек темный. Он только в своем доме свиреп, а то с ним что хочешь делай, дурак дураком; на пустом спугнуть можно. Теперь как хотите, Иван Ксенофонтыч, так и сделаем. Честно, так честно, а то и на штуку поймаем. Так запутаем, что хоть плачь, а жени сына на Лизавете Ивановне.

Иван Ксенофонтыч. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна. За что ж вы бранитесь? Я вас люблю, вам добра желаю (утирает слезы), а вы меня всяческими словами ругаете.

Иван Ксенофонтыч. Как хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте нас с дочерью в покое.

Аграфена Платоновна (покачивая головой). Эх, Иван Ксенофонтыч, Иван Ксенофонтыч! Жаль мне тебя! Человек-то ты добрый, да больно ты прост. Беден ты уж больно. Вот и одежонка-то...

Иван Ксенофонтыч. Я беден, да честен, бедным и останусь. Не хочу я знаться с твоими с богатыми.

Аграфена Платоновна. А нынче так жить-то нельзя. (Отходит от стола.) Как хочешь ты, Иван Ксенофонтыч, обижай меня, а я все-таки всякое добро для вас готова сделать, да и завсегда буду делать, за вашу кротость и сиротство. Мне за это бог пошлет. (Уходит в свою комнату.)

В среднюю дверь входит Лизавета Ивановна, скидает шляпку и кладет на стол. Иван Ксенофонтыч, не замечая ее, читает с жаром и размахивает руками.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа!

Иван Ксенофонтыч. А, здравствуй! Подай мне шляпу.

Лизавета Ивановна. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и так много трудишься.

Иван Ксенофонтыч. Нельзя, Лиза, нельзя! Огдыхать некогда. Молодым людям учиться надобно, и так, Лиза, у нас мало учатся, мало. Достань-ка мне Горация да подсыпь табачку, весь вышел. *(Лиза достает ему книгу и насыпает табаку.)* Ну, прощай! Чай пить не дожидаетесь, может быть, затолкуюсь с ребятами.

Лизавета Ивановна. Бедный папаша!

Иван Ксенофонтыч *(надевает шляпу, идет к дверям и возвращается)*. Лиза, ты меня извини, я тебе задам вопрос...

Лизавета Ивановна. Что такое, папа?

Иван Ксенофонтыч. Давеча вот эта глупая женщина *(показывая на комнату хозяйки)* говорила, только не утвердительно, а так, одно предположение, что, может быть, ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна. Что же она говорила?

Иван Ксенофонтыч. Она говорила, что, может быть, ты влюблена в этого молодого купца, который ходит к нам за книгами. Ну, разумеется, я не поверил.

Лизавета Ивановна. Охота тебе, папа, слушать ее!

Иван Ксенофонтыч. Я ее и не слушаю, она вздорная болтуня, необразованная женщина. Только вот что, Лиза: ты теперь в таком возрасте... Молодая девушка, тебе скучно со мной, со стариком... ты, сделай милость, прыгай... веселись... влюбись в кого-нибудь, я тебя прошу об этом. Только ты не скрывай от меня, скажи мне — я сам с тобой помолодею; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствела.

Лизавета Ивановна. Ах, папаша! Если б я полюбила кого, я б тебе сказала... А то нет еще... Этот молодой человек... так себе; только уж очень необразован, ни стать, ни сесть не умеет. И ты, папаша, ~~можешь~~ ~~подумать?~~

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну, ну, виноват! (Целует ее.) В последний раз, больше не буду. (Смотрит на часы.) Пора, пора... (Бежит бегом из комнаты, Лизавета Ивановна смотрит вслед ему.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лизавета Ивановна (одна, подходит к столу, садится и берет работу; молчание). Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провел за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдет; а все-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают. (Подносит платок к глазам.)

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лизавета Ивановна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. С нашим почтением-с, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Здравствуйте, Андрей Титыч! Садитесь.

Андрей Титыч (утираясь). Покорнейше благодарим-с. Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с. Тяженьки нет-с?

Лизавета Ивановна. Нет; ушел на урок.

Андрей Титыч. По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек-с.

Лизавета Ивановна. Что вы такое говорите?

Андрей Титыч. У нас в ряду один учитель ходит, горький, так над ним смеются, дразнят, значит. Ты, говорят, *окромя свинячьего*, на семь языков знаешь.

Лизавета Ивановна. Как же вам не стыдно смеяться над людьми почтенными? Как это дурно!

Андрей Титыч. Что ж такое! Шутка не вредит-с. Хороший человек на свой счет не примет.

Лизавета Ивановна. Бросьте эту привычку, не хорошо. Зачем обижать!

Андрей Титыч. Нельзя нашему брату не смеяться-с; потому эти стрюцкие такие дела-с с нами делают, что смеху подобно.

Лизавета Ивановна. Что у вас за слова такие! Какие-то стрюцкие!

Андрей Титыч. Уж это слово им недаром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся — засудит; а дал ему целковый или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет. *(Помолчав.)* Я теперь от тятеньки скрываюсь-с.

Лизавета Ивановна. Как скрываетесь? Зачем же?

Андрей Титыч. Женить хотят... насильственным образом.

Лизавета Ивановна. Что ж, разве вам невеста не нравится?

Андрей Титыч. Таковую нашли — с ума сойдешь! Тысяч триста серебра денег, рожа, как тарелка, — на огород поставить, ворон пугать. Я у них был как-то раз с тятенькой, еще не знавши ничего этого; вышла девка пудов в пятнадцать весу, вся в веснушках; я сейчас с политичным разговором к ней: «Чем, говорю, вы занимаетесь?» Я, говорит, люблю жестокие романы петть. Да как запела, глаза это раскосила, так-то убедила народ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна. Да разве вы своей воли не имеете? Не нравится вам девушка, ну, и не женитесь, так и скажите отцу.

Андрей Титыч. Какая тут воля! Ах, Лизавета Ивановна! Нешто у нас так, как у людей! *(Махнув рукой.)* Крылья у меня ошибенны, то есть, обрублены, как есть. Уродом сделали, а не человеком. Словно угорелый хожу по

земле. У нас так не водится, чтоб сын смел выбрать себе невесту по душе, значит, как следует; а привезут тебя, покажут, ну и женись. А коли скажешь, что, мол, тятенька, эта невеста не нравится: а, говорит, в солдаты отдам! Ну и шабаш! Уж не то что в этакое дело, и в другом-то в чем воли не дают. Я вот помоложе был, учиться захотел, так и то не велели.

Лизавета Ивановна. Неужели это правда? Право, мне не верится. Что-нибудь да не так.

Андрей Титыч. Уж это так точно-с, будьте покойны. Диви бы негде было учиться, али бы денег не было; а то денег угол непочатый лежит, девать куда не сообразим; Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на нее? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было, чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то, перед своим братом и совестно. Вот у тятеньки приятель был, тоже русский купец, с бородой ходил, а сына-то в Англию посылал. Теперь свое дело, по машинной части, лучше их знает. Стало быть, их выписывать не надо и денег им не платить. Что их баловать-то! Я, может, не глупей его, а теперь смотри да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел: потому страсть имею. Вот тятенька меня поедом ест, а за что? Сам не знает. По фабрике кто первый? Все я. Я вперед знаю, что требуется. (Молчание.) Лизавета Ивановна, вы ведь не поверите, что я вам скажу: я к скрипке очень пристрастие имею.

Лизавета Ивановна. Ну, так что ж?

Андрей Титыч. Вот теперь пятый год учусь... знаете, где? На чердаке, в чулане. Беда, как узнает... «Да что это! Да к чему это! Да с твоим ли рылом, скажет, такие нежности разводить!» В театр никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, так беда. У нас все равно, что загулял, что в театре просидел, это на одном счету. Ту причину пригоняют, что у нас один брат помещанный от театру; а он совсем не от театру, так, с малолетства заколотили очень.

Лизавета Ивановна. Знаете ли, Андрей Титыч, я вас научу. Когда вы заметите, что ваш отец в хорошем расположении духа, вы ему откровенно и выскажите

все: что вы чувствуете, что у вас есть способности, что вы учиться ~~можете~~.

Андрей Титыч. Он такую откровенность задаст, что места не найдешь. Вы думаете, что он не знает, что ученый лучше неученого, — только хочет на своем поставить. Один каприз, одна только амбиция, что вот я неучен, а ты умнее меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна. Мне, право, вас жалко, Андрей Титыч! Ходите к нам почаще. Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести, да и я, с своей стороны, постараюсь, что могу.

Андрей Титыч. Эх, Лизавета Ивановна, жаль только, что мне развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна. Какой развязки?

Андрей Титыч. Не умею я по-французски говорить и походки настоящей не имею. Вон теперь в магазинах приказчики разговаривают по-французски, ногами шаркают, барышни им глазки делают.

Лизавета Ивановна. Полноте вздор говорить!

Андрей Титыч. Да как же-с! Уж коли знаешь французский язык да есть походка, так тут можно смело... значит, что только завидел, орел ли в небе, щука ли в море, — все наше.

Лизавета Ивановна. Вы мне, пожалуйста, глупостей не говорите, я вас прошу.

Андрей Титыч. Ведь женщины, они души в человеке понять не могут-с: только ловкость нужна, ну и насчет одежды, чтобы первый сорт-с.

Лизавета Ивановна. Я вам откровенно скажу, Андрей Титыч, с вами очень мудро разговаривать. Вы не подумавши говорите такие вещи, которые могут показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаем и ласкаем вас за ваше платье?

Андрей Титыч. Да что со мной, дураком, толковать-с; я просто пропащий человек, от своего собственного необразования. Болтаю, что в голову придет, всякие наши рядские глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, — да только я выразить не умею. Мне как-то раз показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселей взглянули, так я загулял на три дни, таких вертунов наделал, — беда! Одному извозчику что денег заплатил.

Лизавета Ивановна. Ну, зачем же это? Разве вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титыч. А что ж мне делать-то? • Куда мне деваться-то? Я как сумасшедший сделался. Я в жизнь ни от кого хорошего слова не слыхивал. (Подходит к Лизавете Ивановне.) Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Что вам угодно?

Андрей Титыч. Дайте мне ручку поцеловать.

Лизавета Ивановна. Что вы за вздор говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титыч. Да что ж за важность! Может, в последний раз. Ведь вас не убудет.

Лизавета Ивановна. Да нехорошо, и совсем не нужно... ну, а впрочем... (Оглядываясь, протягивает ему руку.)

Андрей Титыч (целует). Умер бы у вас, и дом мой не пошел! Уж очень тяжело мне! Эх, доля, доля! (Плачет.)

Входит Аграфена Платоновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лизавета Ивановна, Андрей Титыч и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Здравствуй, Андрюша! Что с тобой?

Андрей Титыч. Так, ничего-с.

Аграфена Платоновна. Как ничего? Ты словно как мокрая курица.

Андрей Титыч. Подвесить себя хочу-с.

Аграфена Платоновна. Как так?

Андрей Титыч. Известно как: за петельку на гвоздик.

Аграфена Платоновна. Что за напасть такая?

Андрей Титыч. Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотят, вот и все-с.

Аграфена Платоновна. Плохо твое дело.

Андрей Титыч. Обидно-с! (Раскланивается.) А впрочем, прощайте-с. (Подходит к Аграфене Платоновне.) Что ж, отдайте эту штуку-то; еще, пожалуй, история выдет.